

Александр Грин

В снегу

Александр Степанович Грин
В снегу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=273992

Содержание

I	4
II	7

Александр Степанович Грин В снегу

I

Экспедиция замерзала. Истомленные, полуживые тени людей, закутанных в меха с головы до ног, бродили вокруг саней, мягко черневших на сумеречной белизне снега. Рыжие, остроухие собаки выбивались из сил, натягивая постромки, жалобно скулили и останавливались, дрожа всем телом.

Сани так глубоко увязли, что вытащить их было делом большой трудности. Путешественники, стиснув зубы, напрягали все мускулы, но плотный сугроб, похоронивший их экипаж, упорно сопротивлялся неукротимому желанию людей – во что бы то ни стало двинуться дальше.

– Мы в полосе сугробов, – сказал доктор, хлопая себя по ногам меховыми перчатками. – Двинувшись дальше, мы попадем в точно такую же историю. Я советовал бы идти в обход, держась полосы льдов. Это дальше, но значительно безопаснее.

– О какой опасности говорите вы? – спросил ученый, на-

чальник экспедиции. – Больше того, что мы уже перенесли – не встретить. А между тем по самому точному вычислению, нам остается двести пятьдесят миль.

– Да, – возразил доктор, в то время как все остальные подошли, прислушиваясь к разговору, – но у нас нет собак. Эти еле держатся, их нечем кормить. Они издохнут через сутки.

– Перед нами полюс. Мы сами повезем груз.

– У нас нет пищи.

– Нам осталось двести пятьдесят миль.

– У нас нет огня.

– Перед нами полюс. Мы будем согревать друг друга собственным телом.

– У нас нет дороги назад.

– Но есть дорога вперед.

– У нас нет сил!

– Но есть желание!

– Мы умрем!

– Мы достигнем! Слышите, доктор, – мы умрем только на полюсе!

– А я держусь того мнения, что незачем изнурять людей и самих себя, стремясь пробиться сквозь снежные завалы. К тому же мы прошли сегодня достаточно.

Начальник экспедиции молчал, рассматривая черное, как смола, небо и белую, туманную от падающего снега равнину материка. Тишина заброшенности и смерти властвовала кругом. Беззвучно, сонно, отвесно валился снег, покрывая

людей и собак белым, неслышным гнетом. Так близко! Двести пятьдесят миль – и ни одного сухаря, ни капли спирта! Смертельная усталость знобит сердце, никому не хочется говорить.

– Остановитесь, доктор, – сказал начальник. – Отдохнем и проведем эту ночь здесь. А завтра решим. Так? Отдохнув, вы будете рассуждать, как я.

– Нам есть нечего, – упрямо повторил доктор. – А держась берега, мы можем встретить тюленей. Не правда ли, друзья мои? – сказал он матросам.

Четыре мохнатые фигуры радостно закивали. Им так хотелось поесть! Тогда стали выгружать сани, и маленькая палатка приютилась около огромного снежного холма, полного людей, собак. Все лежали, тесно обнявшись друг с другом, и теплое, вонючее дыхание собачьих морд слипалось с дыханием людей, неподвижных от сна, усталости и отчаяния.

II

Ночью один матрос проснулся, вздрагивая от холода. Он только что увидел во сне свою мать, она шла по снежной равнине к югу. Матрос окликнул ее, но она, казалось, не слышала. Медленным, старческим шагом подвигалась она и, наконец, остановилась у снежного возвышения. Сердце матроса сжалось. Он видел, как старушка нагнулась, погрузила в снег руки и, приподняв какой-то темный круглый предмет, похожий на голову человека, прильнула к нему долгим, отчаянным поцелуем.

– Боби! – сказал матрос товарищу. – Мне бы хоть рому глоток. Ты спишь, Боби?

Товарищ его не шевелился. Скрючившись неподвижной меховой массой, торчал он у ног проснувшегося матроса и мерно, часто дышал.

– Боби, – продолжал матрос, толкая спящего, – мне страшно. Мы никогда не выберемся отсюда. Мы погибли, Боби, и никогда больше не увидим солнца. Проснись, ты отдал мне ногу.

Человек поднял голову, и матрос в белой, мертвенной мгле полярной ночи узнал начальника.

– А я думал, что Боб, – пробормотал он. – Это вы, господин Джемс. Я вас побеспокоил, но, может быть, я сошел с ума. Мне страшно. Мы никогда не выберемся отсюда.

Мутный, горячечный взгляд Джемса был ему ответом. Начальник быстро-быстро зашептал, обращаясь к невидимому слушателю:

– Двести пятьдесят миль, господа. Я – первый! Смелее, ребята, вы покроете себя славой! Мы возвратимся по дороге, усыпанной цветами. Собаки пойдут с нами. Я куплю им золотые ошейники.

Бред овладевал им и выливался в потоке бессвязных, восхищенных слов. Матрос с тупым отчаянием в душе смотрел на пылающее лицо Джемса и вдруг заплакал.

Но вскоре им овладела злость. Все погибают: из пятидесяти осталось всего шесть.

– Околевайте, господин начальник! Вы такой же, как и все, несколько не лучше. Мы вам поверили и нашли смерть. Что ж – и вы с нами заодно, так уж оно справедливее!

– Полюс, – сказал Джемс, метаясь в жару. – Я вижу его, он светел, как синеватая глыба льда. Он мой.

Матрос сел на корточки, прислушиваясь к тишине. Болезненное храпение со свистом вырывалось из ртов; все спали. Только больной и испуганный продолжали свой внутренний спор. Коченя от холода, заговорил матрос:

– Вы лучше бы помолчали, вот что. Вы больны, можете умереть. Подумайте о нас. Спасите нас. Зачем нам умирать? Это нелепо. Мы хотим все домой, слышите?

– Полюс! – бредил Джемс. – Да, это не то, что какой-нибудь трижды открытый остров. Я вознагражу всех. Я дам по

тысяче фунтов каждому. Мы придем, будьте покойны!

Тогда животная, невероятная ненависть проснулась в матросе. Он стал кричать на ухо Джемсу, и его страстные грубые слова резко падали в тишину ночи. Он кричал:

– Полюс? Вы хотите полюса, черт возьми?! Он здесь, слышите? Вот он, ваш полюс, вы уже достигли его, господин Джемс! Ликуйте! Съешьте ваш полюс! Подавитесь им, умрите на нем!

Он бесновался и изрыгал ругательства, но пораженное сознание Джемса поймало только два слова и остановилось на них, мгновенно превращая горячую мечту в восторженную действительность.

– Вы достигли!

– Да, я достиг, – твердо, но уже почти теряя сознание, сказал Джемс. – Ведь я говорил доктору: двести пятьдесят миль!

Лицо его приняло горделиво-суровое выражение, такое же, какое было у него на точке земной оси. Он вздохнул и окончательно перешел в предсмертный бредовой мир.